

ПОИСКИ И НАХОДКИ

В МУЗЕЕ-КВАРТИРЕ художника И. И. Бродского хранится портрет С. П. Кувшинниковой, написанный И. И. Левитаном в 1888 году. С картины смотрит на нас сидящая в кресле уже немолодая женщина в белом платье. Округлое лицо, черные выходящие волосы, пристальный настороженный взгляд широко раскрытых глаз; во всей ее напряженной позе чувствуется большая внутренняя энергия, и в то же время какой-то душевной надломленностью веет от облика этой, видимо, уставшей от житейских тревог женщины.

Совершенно в ином месте — в библиотеке Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР среди коллекций книг с автографами А. П. Чехова находится его повесть «Дуэль». Надпись на титульном листе свидетельствует, что эта книга более 76 лет тому назад была подарена им Софье Петровне Кув-

Чехова имя Кувшинниковой начинает упоминаться со все более ироническим подтекстом.

Чем ближе писатель знакомился с жизнью семьи Кувшинниковых и особенно с кругом их многочисленных друзей, тем все отчетливее он понимал показную мишуру, духовную пустоту, мелочное честолюбие, которое нередко руководило чувствами и поступками как самой хозяйки дома, так и посетителей ее салона. Для Чехова не были тайной и любовные увлечения Кувшинниковой, которые она не старалась скрывать от знакомых и близких ей людей.

Одним из последних увлечений Кувшинниковой был И. И. Левитан. Начало их близости положили уроки живописи, которые Кувшинникова начала брать у молодого художника. «С самого детства меня тянуло к картинам, особенно к пейзажу... — писала впоследствии Кувшинникова. — В дальнейшем встреча и знакомство с Исааком Левитаном решили остальное. Левитану приглянулись мои первые наброски, и он предложил мне свое руководство. Первая поездка на этуды по Волге и Оке с Левитаном... дала мне то, что любая школа не может дать в пять-шесть лет... Уже в 1888 году (второй год занятий живописью) мой этюд «Внутренность древней церкви на Плёсе» был приобретен в галерею

Итак, значит, «Попрыгунья». Не забудьте переменить». Рассказ Чехова под новым названием был напечатан в первом и втором номерах журнала «Север» за 1892 год.

Почти одновременно с «Попрыгуньей» вышла в свет отдельным изданием повесть Чехова «Дуэль». Вероятно, во второй половине декабря 1891 года писатель получил первые напечатанные экземпляры этого произведения. Один из них он подарил Кувшинниковой со следующей надписью: «Софье Петровне Кувшинниковой от опального, но неизменно преданного автора, А. Чехов. 91.18/XII». Содержание автографа не оставляет сомнения в том, что взаимоотношения Чехова с Кувшинниковой к этому времени находились на грани разрыва.

«Попрыгунья» вызвала резкое неодобрение не только со стороны Кувшинниковой и Левитана, но и других знакомых Чехова. 29 апреля 1892 года писатель сообщил Л. А. Авилловой: «Вчера я был в Москве, но едва не задохнулся там от скуки и всяких напастей. Можете себе представить, одна знакомая моя 42-летняя дама узнала себя в двадцатилетней героине моей «Попрыгуньи», и меня все Москва обвиняет в пассиве. Главная улика — внешнее сходство: дама пишет красками, муж у нее доктор и живет она с художником».

Чехов попытался объяснить с Левитаном, который, по словам брата писателя М. П. Чехова, был настолько обижен, «что... собрался вызвать Антона Павловича на дуэль». Другам Левитана с трудом удалось уговорить его не посылать вызова Чехову. Узавленный художник прервал на длительное время всякие отношения с писателем. Навсегда расщелилась с Чеховым и Кувшинникова.

Что же послужило этому причиной? Внешне основные герои «Попрыгуньи» доктор Дымов, его жена Ольга Ивановна, художник Рябовский, кажется, были далеки от их прототипов. Но только внешне...

Все содержание рассказа, внутренний мир чеховских персонажей, их взаимоотношения между собой, их общий фон, на котором разворачивается повествование, а главное — тонкие психологические характеристики, метко схваченные черты, присущие Кувшинниковой — Ольге Ивановне и Левитану — Рябовскому, убеждают в том, что при создании «Попрыгуньи» перед глазами художника стояли живые образы хорошо знакомых ему людей. Как в фавеле, так и в своих героях Чехов стремился запечатлеть те жизненные ситуации, свидетелем которых он был длительное время.

Примечательно, что в героях «Попрыгуньи» узнали себя не только Кувшинникова и Левитан. Вместе с ними обиделся на Чехова и не кланялся с ним в течение восьми лет А. П. Ленский, который признал себя в «толстом актере», завсегдаге увеселительных вечеров Ольги Ивановны. Был также опознан и другой поклонник «попрыгуньи» — Василий Васильевич, помещик, дилетант, иллюстратор, вignetист, прообразом которого для Чехова послужил рисовальщик-дилетант и посредственный поэт граф Ф. Л. Соллогуб.

Безусловно, герои чеховской «Попрыгуньи» не являлись точной копией знакомых ему лиц. Это были художественные образы большого общественного и эстетического значения, созданные писателем-реалистом с присущим ему талантом беспощадного обличителя обывательской пошлости, чванливости, самодовольства, тщеславия, подлости, унижающих человеческое достоинство. Не случайно писатель первоначально предполагал назвать свой рассказ «Обыватели».

Через несколько лет Левитан, тяжело переживавший ссору с Чеховым, понял беспочвенность своей обиды на писателя. Большой художник, искренне любивший Чехова, нашел в себе силы по-иному оценить рассказ, воспринятый им вначале односторонне и субъективно. Возобновившиеся дружеские отношения Чехова с Левитаном не прерывались до последних дней жизни художника.

С. П. Кувшинникова, пережившая и Левитана, и Чехова, сохранила книгу, некогда подаренную ей «опальным» автором «Попрыгуньи». В 1906 году, как свидетельствует запись в старой инвентарной книге библиотеки Института русской литературы, она подарила повесть Чехова «Дуэль» с известным нам автографом только что основанному (в 1905 году) Пушкинскому дому.

О многом говорит эта небольшая книжечка, переплетенная в красный дерматин. Сколько мыслей, чувств и раздумий вызывает она у каждого, кто обращается к ней.

А. СТЕПАНОВ,
кандидат филологических наук

НАДПИСЬ ЧЕХОВА

К истории создания «Попрыгуньи»

шинниковой — именно той самой женщине, о портрете которой только что шла речь.

Дарственная надпись Чехова связана с любопытной историей, вызвавшей в свое время бурную реакцию со стороны близких друзей и знакомых писателя. Предшествующие же ей события имеют непосредственное отношение к творчеству и биографии самого Чехова.

...Дочь богатого помещика и довольно важного чиновника, Софья Петровна Сафонова (1847—1907 гг.) вышла замуж за Д. П. Кувшинникова, известного врача, служившего в 80-х годах в Москве при Мясницкой полицейской части. «Жила она в прямом смысле «у черта на куличиках...» — вспоминала известная русская писательница Т. Л. Щепкина-Куперник. — При этой части находилась скромная квартира казенного врача — эту должность занимал ее муж Дмитрий Павлович. Часть была трудная, недалеко от Хитрова рынка — этой зияющей раны Москвы... За стенами докторской квартиры об этом легко было забыть: там было 4 комнаты, но особенно большая. Комната Дмитрия Павловича, убранный со спартанской простотой, затем столовая, в которой стояли простые лавки, кустарные полки, солоницы, висели шитые «рушники», словом, все было «в русском стиле»... Дмитрий Павлович был человек молчаливый, терпеливый. На взгляд, его роль сводилась к тому, что обыкновенно, пока в гостиной пели, читали или флиртовали, он сидел с приятелем, таким же молчаливым, как он, у себя за шахматами, а часов около двенадцати входил в гостиную и приглашал: «Прошу закусить, господа».

Именно такими предстали перед взором Чехова жилище и домашний быт С. П. Кувшинниковой — создательницы известного в 80—90-х годах московского литературно-художественного салона. На вечерах, еженедельно устраиваемых хозяйкой дома, охотно бывали московские художники, писатели, актеры, музыканты.

Почти одновременно с А. П. Чеховым в середине 80-х годов салон Кувшинниковой начал посещать И. И. Левитан, с которым писатель познакомился через своего брата Н. П. Чехова, учившегося вместе с художником в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Частыми посетителями Кувшинниковой были не только братья Чехова и их сестра Мария Павловна. Среди гостей можно было встретить М. Н. Ермолову, актера Малого театра А. П. Ленского, выдающегося театрального деятеля А. И. Сумбатово-Южина, приятельницу Чеховых Л. С. Мизинову, Т. Л. Щепкину-Куперник...

Вначале между Чеховым и Кувшинниковой установились дружеские отношения. Об этом говорят сохранившиеся письмо Чехова к Кувшинниковой от 25 декабря 1888 года и неоднократные упоминания ее имени в письмах писателя к родным во второй половине 80-х годов. Но позже в письмах

П. М. Третьякова. Восемь лет мне пришлось быть ученицей Левитана». В эти годы она каждое лето вместе с художником ездила на этуды.

Вспыхнувшая любовь и Левитану, по-видимому, вызвала у художника ответное чувство. «В Кувшинниковой имелось много такого, что могло нравиться и увлекать, — вспоминала О. Л. Книппер-Чехова. — Красотой она не выделялась; но была безусловно интересна, оригинальна, талантлива, поэтична и изящна. Можно вполне понять, почему увлекся ею Левитан». Искреннее восхищение, которое Кувшинникова выражала со свойственной ей непосредственностью по адресу художника и его живописных полотен, внимание и забота, которыми она окружила болезненного и нередко беспомощного в житейских делах Левитана, не могли не тронуть легко увлекающегося живописца. Но его желание сохранить личную и творческую свободу часто наталкивалось на бурные сцены со стороны его ученицы.

Эта романтическая история протекла на виду у посетителей вечеров Кувшинниковых. «Среди наших друзей и знакомых стали уже определенно поговаривать о том, о чем следовало бы молчать, — писал позднее брат писателя М. П. Чехов. — Между тем, возвращаясь каждый раз из поездки домой, Софья Петровна бросалась к своему мужу, ласково и бесхитростно хватала его обеими руками за голову и с восторгом восклицала: «Дмитрий! Кувшинников! Дай я пожму твою честную руку! Господа, посмотрите, какое у него благородное лицо...» По-видимому, и Антон Павлович осуждал в душе Софью Петровну. В конце концов он не удержался и написал рассказ «Попрыгунья», в котором вывел всех перечисленных лиц.

В октябре 1891 года новый издатель петербургского еженедельного журнала «Север» В. А. Тихонов обратился к Чехову с просьбой написать рассказ для нового номера на 1892 год. Чехов откликнулся на просьбу Тихонова и сообщил ему, что пришлет свое новое произведение. «Просто как «Рассказ» или «Обыватели». Оба заглавия, — писал он, — подойдут».

Велико было удивление Тихонова, когда он вместо обещанного и уже объявленного рассказа «Обыватели» получил рассказ с совершенно иным названием — «Великий человек». В сопроводительном письме Чехов сообщил: «Посылаю Вам маленький, чувствительный роман для семейного чтения. Это и есть «Обыватели», но, написавши рассказ, я дал ему, как видите, другое название, более подходящее». А еще через две недели Чехов вновь обращается к Тихонову с просьбой изменить уже в корректуре предложенное ранее заглавие рассказа. «Право, не знаю, как быть с заглавием моего рассказа! «Великий человек» мне совсем не нравится. Надо назвать как-нибудь иначе — это непременно. Назовите так — «Попрыгунья».